

Французский фильм, не помню его название. И там фактические люди приговоренные к смерти на гильотине. Они накосячили в жизни, какие-то преступления, совершили еще что-то. И вот человек, которому должны отрубить голову, он пишет мемуары свои. Потом их издают после того, как ему отрубают голову. Такая модная книжка становится. Ну да, бестселлер. Знаешь, что это за фильм?

— Нет, я просто. Просто про книжку слышал.

Ну да, но у него хотя бы, в его жизни хотя бы некий такой момент, типа тебе завтра чувак отрубает голову, и он садится и каким-то образом, начинает анализировать: это я сделал хорошо, это я сделал плохо, это я сделал правильно, это я сделал неправильно.

На этом построена вся драматургия. Но когда мы говорим о мире, в котором мы живем, то, например, люди не могут себе даже представить, что в какой-то момент они оставят свое физическое тело. Для них это шок.

Я помню у меня был такой момент, когда дедушка умер. Это был полный шок. А дедушка у меня подбухивал, ну как все нормальные дедушки. И вот я пришел к своей бабушке, я помню было сколько лет, может быть, 10-11. Ну и вдруг дедушка пришел, ему стало плохо с сердцем, а он перед этим бухал, как положено. И в какой-то момент раз смотрю, скорая помощь, потом раз смотрю, что дедушке что-то колят, а потом уже смотрю, дедушка с открытым ртом, его санитары выносят.

Бабушка говорит: «Иди, иди, не мешай, не мешай».

Я подумал, как это вообще так? Дедушка пришел с работы, у него не было никаких планов, они собирались на дачу с бабушкой. Но его жизнь закончилась, и он даже сам не понял, что он умер. Только когда уже умер, понял, что он умер. А так он не знал.

И вот поэтому у меня жизнь поделилась на две вещи. Первая, я не мог понять, как можно жить без смысла в жизни. Вторая моя идея была в жизни, когда я встретился с преданными. Причем у меня был такой момент, я вёл совершенно такой

маргинальный образ жизни, был художником. Сам не художником, у меня была студия своя художественная. Мы рисовали.

Я вёл совершенно маргинальный образ жизни, такой, как все обычные нормальные люди. Ну, как бы, и... Ну, да, ну не то чтобы отвязан, я не могу сказать, что я там был. Я не был таким законченным наркоманом и алкоголиком. Я понимал, что терять особо нечего, кроме пут. Но из-за того, что я все-таки попал за границу, и какие-то такие переживания, вырвался из социума, у меня был такой момент в жизни, я думал, вот я еду в Америку. Америка – это город мечты.

А что мы хотим? Что ищет сердце? Взаимость, понимание. А тут приезжаешь, такой огромный город – муравейник одиноких людей. В муравейник попал, один муравей бревно тащит, другой какой-тодохлый труп тащит, третий еще. То есть, муравейник, людей больше, чем Новомосковске и плотнее. Но они такие же, может быть, еще даже более одинокие, потому что они друг от друга шарахаются, морозятся, у них там лайбаки, статусы.

Конечно, такие приветливые, Если они тебе на ногу наступят, даже черный в метро, скажут тебе «сорри», «извини».

Они свободные, но в этой свободе, они полностью одинокие.

И вот это меня, конечно, сильно шандарахнуло по жизни. Я подумал, вот то, что я искал в глубине своего сердца, какую-то взаимность, ну, что-то такое, какой-то коннект, я не могу найти здесь. Я вижу, что люди здесь еще больше, ну, как бы разрознены. Еще больше несчастны, чем где-то в каком-то там...

То есть в этом смысле советский социум, был как бы более... Ну как бы, люди были более... понятно, да? У одного телевизор, и все пошли к нему смотреть.

И вот такой момент наступил, когда вдруг я понял, что этот мир, он меня совершенно не удовлетворяет. Я принципе, в глубине сердца верил в Бога. Я в Бога верил всегда. Но я совершенно не понимал, какой Он и зачем Он. Потому что все идеи о Боге, которые мы знаем, без сознания Кришны, без Гиты, без вайшнавской философии. На самом деле ни один адекватный человек, если он действительно

будет об этом думать, не сможет это принять или понять. Они настолько далёкие вообще. Вот это мне было совершенно непонятно.

Я познакомился со своим другом художником, его звали Бессо. Он не говорил, он морозился, что он кришнаит, его звали Биндху Мадхава. Он был такой ученик Харекеш Свами, у него жена была очень известная кришнаитка из Риги. И когда он попал в моё общество, конечно, ему пришлось деградировать вместе со мной. И мы с ним там сидели, мечтали о смысле жизни, пыхтели.

И в какой-то момент я его стал доставать вопросами. Я понимал, что мой друг знает гораздо больше, чем я, но мой друг не хотел мне ничего говорить. И когда я его уже достал конкретно, они вместе еще с одним парнем, который тоже от меня морозился, что он кришнаит, ну и вероятно, я не впечатлил их, как какая-то верующая трансцендентная личность.

Они очень с опаской нехотя дали мне Бхагавадгиту, думая, что я не въеду. Но я настолько въехал в Бхагавадгиту, меня настолько она приколола. Я просто читал. Но я помню, первый раз я читал Бхагавадгиту, я одну страницу перечитывал по пять раз. То есть, я понимал, что это такое вообще такое....

Я читал один раз и не понимал, что произошло. Я еще раз читал. Потом еще раз и еще раз. Вот так я читал Бхагавадгиту, причем я читал везде. Я тогда продавал картины на улице в Нью-Йорке, сидел там с Бхагавадгитой, и я настолько зачитывался, что я забывал вообще про всё там, про работу, про то, что есть нечего, деньги нужны.

Такой вот был момент. А Кришна, он действует так, Он говорит, когда я благословляю своего преданного, я отнимаю у него всё, ноги даже, если надо. Потому что, были бы у тебя ноги, ты бы бегал куда-то.

- Факт. Или от кого-то.

- Ну или от кого-то, или за кем-то.

Кришна говорит тебе: «Все, стоп, хватит».

У меня был такой момент в жизни, денег вообще нет. Просто жрать почти не

на что. Но каким-то образом еда приходила. И этот преданный, у нас был в настолько плохое положение. У меня была художественная студия. Ну у него и так-то денег почти не было, он там жене отсылал. Но он переселился ко мне.

Представляешь, Кришну сделал так, что кришнаиты заехали ко мне домой. И я уже, читаю Бхагавадгиту, и у меня такой момент в жизни, а там в конце книжки «Ответы на вопросы» такая инструкция, как четки делать.

Я уже такой думаю, ага, я знаю, китайский район, а там написано «возьмите бусины». Я думаю, так, значит, я же не знал, что четки можно купить и так далее.

Там написано, возьмите бусины, сто восемь бусин.

Я такой уже: «Ага, еду в китайский район, покупаю бусы, делаю четки».

И такой, поехал в китайский район, и приходит мой друг кришнаит, а он морозится, он мне не до конца рассказывает, что он Харе Кришна. И он уже сидит на меня смотрит, я сижу такой с иголкой, с ниткой, пытаюсь эти китайские бусины проколоть.

Он такой: «Ты чего делаешь?».

Я: «Как чего?». Раз ему инструкцию показываю, типа мантру читать собираюсь, что я еще делаю?

Он такой: «Ты собираешься читать мантру?».

Я такой: «Ну да, Харе Кришна, мантру, а что?».

Он такой: «Да?».

И я так дальше сижу, делаю четки, он так походил, походил, подумал. Ну вот. И он такой говорит, а я вегетарианцем стал за один день.

Он говорит, «Ты действительно?».

Я говорю: «Ну да».

Он говорит: «Ладно, так и быть, я повезу его в храм».

Я такой: «Зачем? Зачем мне храм? Я читать мантру собрался».

Он говорит: «Нет-нет, ты не понимаешь. В храме есть магазин, там можно купить четки».

Я такой: «А, ну тогда тогда вообще не вопрос. Я буду здесь париться с этими четками».

Он говорит: «Только там всем говори Харибол. Ну, как бы, так вот делай, и там надо будет обувь снять».

И привозят меня в Нью-Йорке в храм на Скримин Хорн.

А раньше у кришнаитов был храм четырнадцатый этажный, потом после Прабхупады они прощёлкали его и купили храм в Бруклине на Скримин Хорн, бывшую синагогу.

Как-то у них эта этническая составляющая очень плотно проявлена.

И значит, они купили эту бывшую синагогу, и там потрясающий такой как бы зал большой. И когда я зашел, то это днем было светло, а там в зале нет окон.

И там огромные Божества Радхи и Говинды, очень-очень красивые божества, вот такие все в розах, очень красивые Божества, вообще Прабхупада.

И вот, представляешь, он говорит так: «Заходишь, нужно поклониться».

Я зашел, и меня прямо как будто мешком по голове ударили, вот этот запах. Вот этот запах там Расы Бихари, благовоний. И в это время мы зашли, началось арати, а там же в ИСККОН включают это... (музыка).

И там так прям такая красивая музыка, вот этот запах, арати.

И я еще смотрю, там такой пуджари предлагает воду, а потом они так кидают, и в таком замедленном 3D такие капли воды мне в голову «бам», как пули конкретно. Меня просто снесло напрочь. Меня снесло, я был настолько поражен, меня настолько ошарашил храм. И потом там все эти картины Прабхупады, то, что в книгах. Это настоящая масляная живопись. И они там по стене целая галерея, там Вишну лежит на водах Вселенского океана.

И я своего друга спрашиваю: «Что это? Кто это?».

Ну конечно, меня шокировал Прабхупада. Когда я зашел, я подумал сначала, что какой-то человек сидит. Ну, там же в каждом храме сидит Прабхупада. Сначала меня как бы шокировало, то есть я увидел этого Прабхупада.

Он говорит: «Пошли Прабхупаде поклонимся».

Я сначала думал, что он сидит, медитирует.

Потом мне говорят: «Да нет-нет, он уже ушел, это – мурти».

То есть, я увидел Прахупада, и он был живой для меня. Это как какой-то момент прозрения, как Гурудев рассказал. Он говорит, мы знаем Харе Кришна, Божества.

Он говорит: «Когда я был молодой еще. Одно время я занимался Божествами, потому что было мало народу, и я переодевал Божества. Я переодеваю Божества, Махапругху, надеваю одежду на Него, и в какой-то момент я щупаю Махапругху. Как человека. То есть я чувствую, что я одеваю Божества, и в какой-то момент я чувствую, что это как бы тело. А я одеваю, запарен одеждой, так раз-раз, там, одеваю-одеваю, вдруг я понимаю, что я щупаю человека. Ну, прикасаюсь к человеку, ну, как бы к телу».

И он говорит: «В этот момент у меня такой бешеный страх. Я такой: «Ах!», на Кришну смотрю, и уже щупаю, это уже дерево».

Это как мать Яшода, она настолько близка с Кришной, что она не понимает, что Он Господь. Она там раз, Кришну, надо связать Его, а то там мальчик непослушный. Раз, связала, что-то веревки на два пальца не хватает. Ну надо еще раз. В три раза не получилось, попробую в два раза. Раз, опять на два пальца не хватает веревки. В два раза не получилось, в один раз свяжу, раз, опять на два пальца. Потому что Кришна безграничный, Его невозможно связать никакими веревками. Мать Яшода может связать Кришну только веревками любви своей. И она так раз в какой-то момент, когда Кришна заплакал, заапризничал, она Его связала.

Или она подумала, что Кришна ест глину, позвала Его, нажала Ему на рот, говорит: «Покажи свой рот, что ты ел».

Кришна там: «А-а-а, не буду, не буду!».

Она раз в рот посмотрела, а там Вселенная. И она видит там Вселенная, миллиарды Вселенных, планета Земля, Голлока, и на коленях Матери Яшоды сидит

Кришна.

Вчера прикольная такая фишка была в Брама Самхите. Я что-то ехал в поезде, думаю, надо что-то послушать трансцендентное. Ну вот Брама Самхиту... А недавно слушал лекцию Гурудева, и Гурудев рассказывает интересную историю.

Он говорит: «Я всю жизнь практиковал, но часто меня спрашивают на Западе вопрос о душе, откуда душа, как она попала в материальный мир. Но меня это не критиковало, потому что у нас в Индии такое понятие как «атма» – душа, оно настолько обиходное, что меня этот вопрос не волновал. Но в какой-то момент, когда Гуру Махараджу уже было под 90 лет, я уже был в своей зрелости, стали приезжать западные преданные. И один западный преданный спросил меня вопрос о душе, Татастха-шакти, как это происходит».

И он сказал, что «Я подошел к Гуру Махараджу и сказал, Махарадж, а как вот это душе?».

Гуру Махарадж был старый, он сказал: «А ты что не читал Брахма Самхиту?».

И Гурудев сказал: «Да нет, я вообще ничего не читал, всю жизнь все, что я слышал, я слышал от вас.

Он уже был, может быть, не 60, но уже в преклонном возрасте, перед уходом Шридхара Махараджа.

И он сказал ему: «Какая Брахма Самхита, я всю жизнь вам служил, все, что я знаю....

Гурудев, например, ни разу не читал Бхагаватам в своей жизни полностью. Но все шлоки с Бхагаватам он слышал от Шридхара Махараджа, самое главное.

У Гурудева не было такой идеи, что вот сяду и коры до коры прочитаю Бхагаватам.

Но это не потому, что мы можем не читать Бхагаватам. Просто у Гурудева не было времени. Его жизнь была практической жизнью сознания Кришны. Он не занимался теорией. У него был Гуру Махабхагавата, который жил с ним. Но не просто жил с ним. Иногда Шридхар Махарадж хотел его побить палкой, и Гурудев

вместо того, чтобы убежать, он подходил ближе. Шридхар Махарадж начинал бить его палкой, потом говорил: «Чего ты не убегаешь?».

И Говинда Махарадж говорил: «Ну, вы же хотите меня ударить палкой, вот я. Я вас раздражил. Я вижу, что вы не умеете бить. Да, и что-то у вас там плохо получается бить. Цельтесь получше. Вот сюда».

И Шридхар Махарадж, он был... как вот Кришна, он покоряет что преданность, покорность, красота, самопридание. Он был просто Говиндой Махараджем очарован, потому что Гурудев, он как бы не теоретически, он реально посвятил свою жизнь Гуру и даже если Гуру хотел его наказать, он видел в этом благо. Но это конечно для нас это может быть нереально, невозможным уровнем, на котором мы бы могли относиться к нашему Гуру. Но это так. И он взял Брахма Самхиту и услышал от Шридхара Махараджа, он подумал, что надо прочесть ее. И стал читать Брахма Самхиту и вот эта глубина идеи о том, как там Вишну, Шива, Материя, Творение, Душа попадает в этот мир. Она очень сильно его затронула, и он реализовал оттуда определенную идею.

И вот в Брахма Самхите очень много интересных фишек, идей сказано. Там, например, сказано, что разные люди по разному уровню реализации, они по-разному смогут понимать, что такое сознание Кришны. Там сказано, что тот, кто достиг трансцендентного уровня, но он достиг, когда мы говорим «достиг трансцендентного уровня», то трансцендентный уровень безграничен. Вот кто достиг трансцендентного уровня, он сможет увидеть в Гокуле Голоку. То есть, он сможет приехать во Вриндаван и увидеть, что на самом деле вот он, вот здесь, в этом месте проявлен духовный мир.

Сказано, ну это такой уровень, как бы, для нас запредельный, но не самый крутой. Но вот самый крутой уровень, когда он увидит в Гокуле Голоку, то есть наоборот, когда он придёт в этот материальный мир и скажет, вот он и есть трансцендентный мир, это и есть Вриндаван.

И в связи с этим есть такая история про Бабаджи Махараджа, Гоур Кишор Дас

Бабаджи Махараджа, который шёл по Вриндавану, за ним бежали мальчишки, кидали в него камни, смеялись над ним, потому что он был трансцендентным безумцем, юродивым таким, вообще в полном трансе самоосознания, поэтому мальчишки издевались, прикалывались над ним.

И он грозил им пальцем и говорил: «Кришна, я пожалею на Тебя, матери Яшоды».

То есть, не то, что ты приехал куда-то в несовершенное и увидел там совершенное. Это круто. А вот когда ты достиг совершенного и увидел, что совершенное полно несовершенств, это ещё круче.

Поэтому Шридхар Махарадж сказал: «Когда тысячи мудрецов слушали Шримад Бхагаватам, в целом большинство из этих тысяч мудрецов были имперсоналистами. Но они были в шоке от Шукадева, потому что он действительно реализованная личность. Он стал объяснять им не с точки зрения смертного, а с точки зрения бессмертного природу Абсолюта. И когда Шукадева в своих объяснениях дошёл до идеи Личностного Бога и стал раскрывать идею Личностного Бога, то мудрецы были в полном шоке. Для них это было вообще откровение, прозрение.

Он сказал: «Но когда Шукадева дошел до того, что природа Личностного Бога построена на несовершенствах, что Кришна боится, у Кришны вожеление, Кришна ворует. Для мудрецов это было очень сложно принять».

То есть, они приняли, что Бог – это Личность, совершенная Личность. Но то, что эта Личность, что её сила в её слабости, её красота в её... Кришна же не самый сильный во Вриндаване. Поэтому в Чайтанья Чаритамрите описано, что некоторые мальчишки во Вриндаване, гопалы, они говорят, что «Кришна, мы не хотим бороться с тобой, потому что ты проиграешь. Но с Баларамой мы бы ещё поборолись, он посильнее».

Поэтому, когда мы говорим о том, что во Вриндаване, где Господь проявлен в Своей Самой высшей степени, Кришна не выбрал позицию, что Он царь горы, самый

сильный Вриндавана, он чуть-чуть слабее, чем Баларама. Баларама поздоровее немного.

И в этом есть некая идея. Поэтому, когда мы говорим о том, что такое сознание Кришны, мы понимаем, что это настолько глубоко, настолько беспредельно, что даже когда мы придем к пониманию Духа, все наше восприятие изменится.

Шрила Шридхар Махарадж сказал, что в какой-то момент ты увидишь себя совершенно с другой стороны, своё «я», и ты увидишь, что это «я» никакого отношения к тому «я», которым ты ощущаешь в себя, не имеет. Чтобы то «я», которым ты ощущаешь себя, оно должно умереть.

Это как рост ребенка. Ребенок думает: «О, пингвины, медведи». Но происходит так, что происходит рост ребенка, и он говорит, что за бред, я боялся пингвина этого, у меня был медведь, я искренне верил, что это мой друг. И так далее, и тому подобное.

Почему? Потому что сознание меняется, и мы не можем принять...

Потому что мы сейчас очень боимся умереть, и мы думаем, а как же, буду ли я помнить, что я была Машей из Новомосковска, у меня был Вася, а как же я буду жить?

А на самом деле, я думаю, например, что я хочу в своей жизни запомнить.

Что бы ты хотел запомнить в своей жизни?

– Встречу.

Ну да, но не саму встречу. Не важно, что ты встретился с Муралишваром, например, в электричке. Ты мог бы встретиться с ним на высших планетах.

– Прощание, тогда уж прощание.

Да, и прощание. То есть, понимаешь, о чем я говорю? Речь идет о том, что есть какие-то вещи, которые нас ставили, вот это чувство нас ставило.

Вот как Штирлиц шел по улице и вдруг почувствовал какую-то вещь. И он понял, что явка провалилась. Мы же говорим не об объективных чувствах: «Я помню, что когда-то я был там, представляешь... три тысячи шестнадцатый год. Там

сидят какие-нибудь гуманоиды, в форме грибов, один с другим разговаривает: А меня проглючило, что я жил когда-то человеком...

Ну, понимаешь, вот та реальность, в которую мы прошли, в прошлой жизни, она же для нас вообще как бы irrelevant. Она, собственно, для нас ничего не даёт.

Даже если ты будешь жить на Новомосковске, потом приедешь в какое-то другое место. Реальность уже такого импакта нет.

Вот я, например, провёл в какое-то время, например, где-то, ну, предположим, в Нью-Йорке, это город моей молодости. Я могу приехать: «Ну, да...» Опять же, какие у меня воспоминания? Только с преданными связанные.

Мы же постоянно пребываем в настоящем. А вот качество нашего прошлого – оно не очень. Поэтому переживания, ощущения – вот то, что остается с нами из жизни в жизнь. Поэтому вайшnavы говорят: «чакшу-дāна дилā джеи, джанме джанме прабху сеи». То есть мне не важно, какая у меня будет следующая жизнь. Это уже там карма, моя природа сформирована. Но если бы из жизни в жизнь я мог с этим соприкоснуться, это было бы очень круто.

Из жизни в жизнь соприкоснуться с этим, в той или иной степени. И до какой степени соприкоснуться с этим глубоко. Это же очень глубокая вещь, потому что мы все где-то плаваем на поверхности, и к нам плывут такие большие спасательные круги. А это спасательные круги наших желаний. Мы не можем занырнуть, они не пускают нас.

Поэтому кто-то из великих, Мадхава Ачарья, у него такая мудра – он сидит и показывает два пальца.

Его спросили: «А что такое два пальца?».

Он сказал: «Есть только два шага в духовной жизни. Первое – это все оставить, второе – это предаться». То есть, это его мудра.

Он показывает две вещи. Если ты реально хочешь, то первое – ты должен оставить все. То есть, отбросить от себя все прошлое, потому что это прошлое, оно тебе не пригодится, ни твой опыт, ни твое знание. Возможно, в служении это

пригодится, но с интеллектуальной, с духовной точки зрения, способность оценить божественное – ты не сможешь это сделать, реально. Наоборот, это будет мешать тебе.

Помните, как в Алисе: «Зайцы не разговаривают». Это у вас зайцы не разговаривают, у нас они говорят. Еще как. Поэтому, когда мы говорим, какие зайцы, откуда, из Голоки Вриндавана. Пчелы, если мудрецы, представляешь? Пчелы летают, они постоянно мантру воспевают:

Харе Кришна Харе Кришна Кришна Кришна Харе Харе

Харе Рама Харе Рама Рама Рама Харе Харе

Когда я первый раз попал на утреннюю программу в ишкконовском храме. А там есть арати утреннее, потом туласи-пуджа, потом все ходят вместе джапу читают. И там такой «бжзззззззззз» и они что-то там все жужжат.

Мы сейчас споем Харе Кришна пока.